

ГЛАВА 1

«Боги умерли весенним утром. Все. Сразу. Каждый это почувствовал — от жрецов на севере до ведьм на юге. Те, кто поклонялись Деве, кричали в мучениях. Почти исчезнувшие последователи Короля Богов пали на колени под гнетом ужаса...»

Ее Величество Джессамина Хармсворт разочарованно вздохнула и вынула изо рта пожеванный карандаш:

— Все это мне уже известно. Я знаю, когда умерли боги, но вот как ведьмы наслали чуму — нет.

Она вновь пробежалась глазами по страницам книги, которую сегодня тайно передал ей один торгош. Он озирался по сторонам, будто совершал тяжкое преступление, что было не так уж далеко от правды. Книги о черной магии были под строгим запретом, но ему не стоило переживать. У принцессы вообще не должно быть подобных книг.

— Он серьезно думал, что мне это поможет? — Печальный взгляд Джессамины остановился на чучеле кота. С полки на нее смотрели его пустые глазницы. — Слова от тебя не добьешься.

Джессамина вернулась к изучению книги, чтобы найти информацию об источнике болезни, которая так стремительно распространялась по всему королевству. Уже давно ходили слухи, что именно ведьмы наслали чуму, однако Джессамина сомневалась. Она не верила, что после

смерти богов кто-то мог так наказать ее королевство, поэтому продолжала искать ответы. Кто смог бы одарить ведьм такой силой? И что у них осталось от этого дара после создания чумы? Вопросы о самых могущественных существах, которые когда-либо ступали на эти земли, ворохом крутились у Джессамины в голове.

Возможно, ей не следовало надеяться на невиновность ведьм, но еще никто не доказал обратного. Тем не менее это не мешало людям бросаться обвинениями. Поэтому просить ведьм о помощи, конечно же, не стали. К тому же их осталось немного. После смерти богов прапрадед Джессамины истребил почти всех.

К сожалению, никто так и не нашел лекарство от чумы. Королевским ученым и знахарям удалось лишь ненадолго сдержать болезнь, но победить ее они не могли.

Только Джессамина закинула ноги на стол, чтобы продолжить чтение, как ее прервал отвратительный хруст костей и всплеск крови. Это могло значить только одно. Королевский стражник вытер старый кожаный ботинок о дверь, соскабливая с него тушку крысы. Джессамина поморщилась от кровавой сцены. Золотые пуговицы темно-синего мундира стражника поблескивали на свету и звонко стучали о меч, прикрепленный к поясу. От крысы осталась только лужица крови, но существо хотя бы не мучилось. Пусть это потревожило то мирное уединение, которое Джессамина обрела в своей лаборатории.

Только здесь, среди тихих звуков шипения и потрескивания горелки, она могла быть собой. Стены лаборатории были заставлены разнообразными диковинными находками. По большей части насекомыми в банках: букашки и жучки, но встречались экземпляры и поинтереснее. Например, большой палец правой ноги, который она хранила над рабочим местом.

Однако сегодня Джессамина не могла скрыться даже за чтением о черной магии. Книга покоилась у нее на коленях — в любой другой ситуации она скрыла бы ее, но только не перед мужчиной в дверях.

В конце концов, будущей невесте не подобает изучать колдовство.

— Она мертва? — спросила Джессамина.

— А ты как думаешь, принцесса? — Страж поморщился от своего же тона. Каллум Квен был единственным, кто мог так с ней разговаривать, знал ее с детства.

Он был тем, кто целовал синяки на коленках Джессамины, когда та падала с лошади на уроках езды. Он был тем, кто укладывал ее спать, когда королева задерживалась на приемах с советниками. Он был единственным, кто мог справиться с ее длинными черными волосами, которыеечно запутывались. Джессамина росла без отца, но рядом всегда был Каллум, который достойно заменял его.

Лицо стражника исказилось от отвращения. В его планы не входило давить крыс, особенно сегодня, но осторожность не бывает лишней. Чума не соблюдает свадебный этикет, а как именно она распространяется, никто не знал. Может, крысы были переносчиками, а может, сам воздух был пропитан смертью. Болезнь беспощадно забирала жизни на своем пути, но пока обходила столицу.

Столицу, которая скоро перестанет принадлежать Джессамине.

Ее мать передаст власть сразу же, как только священник узаконит брак, и новоиспеченный муж станет единоличным правителем как своего королевства, так и Инверхольма.

— Что ты там читаешь? — спросил Каллум, разглядывая подошву своего ботинка.

— Один странноватый торговец словно из воздуха появился на пороге и продал мне эту книгу. Уверял, что в ней написано про чуму.

— И как?

Джессамина вздохнула, перебирая пальцами потертые края страниц.

— Ничего. Только еще больше историй про смерть богов.

— Да пребудут они в покое, — прошептал Каллум. — Вот бы увидеть их вновь.

— Ты ведь кому-то поклонялся, когда был моложе?

Даже если боги покинули смертный мир, в нем все еще оставались нуждающиеся. Те, кто верил, что при должном усилии их молитвы будут услышаны.

— Сыну Битвы. И все еще поклоняюсь. После тяжелого дня мне становится легче от мысли, что он до сих пор может нас слышать. — Каллум скрестил руки на широкой груди. — Говорят, что твой будущий муж тоже ему поклоняется. По крайней мере, на публике. Такие щедрые подношения могут и богов поднять из мертвых. Возможно, его неудача означает, что они действительно покинули нас навсегда.

Джессамина не понимала, почему ей стало так не по себе от слов Каллума. Леон Бишоп Оранданский казался подходящим кандидатом на роль короля — он даже поклялся заботиться о благополучии Инверхольма. Когда у ее матери возникал вопрос, почему он решил сделать предложение спустя двадцать два года, что они росли вместе при королевских дворах, у Леона всегда находился ответ.

Повернувшись к большому зеркалу, висевшему на каменной стене, Джессамина попыталась отбросить удручающие мысли. Никакой больше магии. Никаких ведьм. Только свадьба.

В зеркале отражалась прекрасная девушка. Именно такая принцесса, которую желал увидеть народ.

Белое платье сидело весьма неплохо. Собранные на талии кружева каскадом спускались до самого пола. Корсаж платья, несмотря на сдержанный стиль, подчеркивал

тонкую белоснежную шею. Длинные рукава-колокольчики закрывали руки, что было очень кстати — синяки все еще не сошли. Россыпь алмазов, которые веками передавались в их семье, обрамляла шею. Прислуга все-таки смогла уложить длинные черные волосы в замысловатое сплетение кос, а на голове красовалась корона.

Вот только полные печали глаза портили весь образ. Слишком большие. Слишком черные. Темные мешки появились из-за постоянной бессонницы, которая мучила Джессамину вот уже шесть месяцев, с того самого дня, когда договорились о свадьбе. Будущее определили чернила на пергаменте, а ее саму продали, как скот на торгах, и никому не было дела.

Джессамина расправила плечи и решительно устояла на себя в отражении. Она принцесса Инверхольма, поэтому сделает все ради спасения королевства. Даже если потребуется в сотый раз поправить платье, чтобы собраться с мыслями.

— Принцесса! — Каллум бросился к Джессамине и застыл в ужасе.

Он указал на ее руки, и только тогда она заметила, что сажа от горелки испачкала пальцы. Еще секунда — и свадебное платье было бы безвозвратно испорчено.

— Ой, — прошептала Джессамина. Ее руки дрожали, когда она вытирала их о лежащую неподалеку ветошь. — Спасибо.

Каллум кивнул и сложил руки за спиной.

— Я буду наблюдать за церемонией с балкона. Удачи.

Вскоре раздался стук в дверь, которого она так боялась, и Джессамина последовала за вереницей королевских слуг по темным коридорам. Им пришлось отпереть большую часть замка, чтобы вместить всех гостей. В этом крыле даже не было ламп на китовом жире. Вместо них на стенах тлели факелы, что было далеко от того теплого света, который создавал уют

в комнате Джессамины. Черная копоть сочилась с потолка, проникая сквозь этажи и смешиваясь с многолетним сломом нагара от свечей.

В конце коридора Джессамину ждала мама. Ее Величество Рианнон, Королева Инверхольма. Прекрасная и в обычные дни, сегодня она выглядела безупречно. Лазурный цвет платья был под стать цвету морских глубин, что окружали полуостров, где находился Инверхольм. Драгоценные камни украшали ее шею, запястья и пальцы, а в серьгах блистали алмазы. Однако застывшее выражение лица не сочеталось со сверкающим нарядом.

Джессамина низко поклонилась.

— Мама.

— Это лишнее. — Голос королевы эхом раздался в темном коридоре, отскакивая от стен, пока не затих. — У нас еще есть шанс спасти королевство.

Ложь. Им обеим это было известно. Чума слишком сильно подкосила народ. Никто не мог продолжать работать, как раньше, а те, у кого не оставалось выбора, заболели. У королевства не было ни денег, ни возможностей искать лекарство. Если это продолжится, то совсем скоро Инверхольм опустеет.

— Я желаю этой свадьбы. — Джессамина держалась храбро. Ложь тяжким грузом легла на расправленные плечи. — Я желаю лучшего для своего дома.

Но королева видела дочь насквозь. Сердце Джессамины защемило из-за стены притворства между ними, однако кто-то должен был принять решение. Решение, которое спасет королевство от чумы. Решение, которое Рианнон так и не смогла найти.

Свадьба была последним и единственным шансом.

Королева кивнула и протянула руку Джессамине. Вместе они преодолели коридор и вышли в залитый солнечным светом двор, где их уже ждали гости.

Леон Бишоп привез часть своей свиты на церемонию. Несколько герцогов и герцогинь были одеты в традиционные черные наряды Орандании. Слуги и охранники тоже носили мрачные одежды, и только отутюженные белые воротнички выделялись на общем фоне. Все это больше напоминало похороны, нежели свадьбу. Никогда черный цвет не вызывал в Джессамине такой ненависти, как сейчас.

Ее подданные, одетые в различные оттенки синего, смешались с толпой. Большинство из них были дворянами. Они надеялись выслужиться перед будущим королем и завоевать его благосклонность, но больше походили на крыс, бегущих с тонущего корабля. Будто это могло спасти их души.

Джессамина попыталась затеряться в мыслях. Герцоги, дворяне, прислуга — все слились в один болезненный синяк, который полностью окрасил собой королевство. Такой же болезненный, как черно-синие следы от грубых рук под ее платьем.

Леон, облаченный в роскошные одежды, уже ждал Джессамину у алтаря. В отличие от своей мрачно одетой свиты, он выбрал бледно-кремовый костюм с золотой строчкой — наглядное свидетельство богатства и боевой мощи. Позади Леона открывался вид на лазурное море, завершая торжественный образ. Ворота закрылись за спиной Джессамины, семейный герб вновь собрался в единый узор — размашистые крылья ворона отрезали все пути к отступлению. Свободный от каменных стен задний двор заканчивался крутым утесом, а у подножия до самого города протекала река.

Джессамина не смотрела ни на гостей, ни на будущего мужа. Ее взор устремился на королевство. Замок возвышался над морем, поэтому все земли были как на ладони. Водный район располагался у побережья, его высокие пятиэтажные дома плотно прижимались к друг другу, а по трубам закачивали и фильтровали воду для всего королевства.

Промышленный район находился слева, окутанный столбами дыма. Торговый район растянулся вдоль границы, чтобы торговцам не приходилось ехать через весь Инверхольм. Район Удовольствий и дома знати расположились вокруг массивной лестницы, которая вела к воротам замка.

Леон настоял на приглашении священника из его королевства. Джессамину к алтарю вела мать. Гости заняли свои места, а священник начал произносить бессмысленную речь о богах и браке.

В голове промелькнула мысль, будто нашептанная колдовской книгой: ни один бог не благословил бы их союз. Потому что они все мертвы. Скорбный плач ее народа призрачным эхом отдался в груди.

Леон сжал руки Джессамины в своих, переплетая ледяные пальцы с ее собственными. Она подняла взгляд и задумалась, считала ли Леона по-настоящему красивым? Безусловно, он был привлекательным мужчиной. По крайней мере, так говорили каждый раз, когда делегация из Оранды приезжала на ежегодный праздник урожая. Джессамина видела, как много знатных женщин поправляли ему спадающие на лицо золотистые локоны. Его голубые глаза были настолько тусклыми, что иногда казались совсем белыми. Острые черты лица, широкие плечи — Леон, как ни посмотри, был красавцем.

Вот только не для нее. Никогда не был и никогда не будет.

Джессамина знала Леона с детства и еще тогда разглядела в нем склонность к жестокости. Теперь же, когда ее отдадут на растерзание, это стало очевидно. Он прибыл два дня назад вместе со своей знатью и свитой. Джессамине не потребовалось много времени, чтобы попасть под горячую руку.

— Ты рада? — спросил Леон. Его шепот был едва ли различим среди монотонной речи священника.

Джессамина не знала, что ответить. Конечно, она не была рада. Ее угнетала одна только мысль о брачной ночи.

Поцелуи, ласки под одеялом. Это все было ей чуждо. Джессамину не интересовала физическая близость. Изучение колдовства всегда привлекало ее больше, чем неловкие прикосновения и дрожащие руки.

— Рада, — тихо выдохнула она. Очаровательный тон, подобающий принцессе. Джессамина оттачивала его всю жизнь.

Леон вцепился в нее взглядом.

— И ты бросила все эти... глупости?

— Не понимаю, о чем ты.

Его пальцы сжались вокруг запястья Джессамины мертвой хваткой.

— Пошел слухок, что ты увлекаешься магией. У меня везде уши, даже в высоких кругах.

— Магия? Я ищу лекарство от чумы. — Ей хотелось вырвать руки из его хватки, но это бы только породило слухи.

Да кем он себя возомнил? Она была наследницей престола Инверхольма! Если бы Джессамина решила обратиться к колдовству или черной магии, она бы это сделала. Если бы только это помогло в борьбе с болезнью...

У ворот послышался шум. Брань, переходящая в крик, слишком грязная для общего праздничного настроения. Что происходит?

Леон даже не повел глазом, только сильнее сжал ее руки. Костяшки побелели, а с губ сорвался стон боли, прежде чем она вернула себе самообладание.

— Джессамина, — прошипел Леон. — Ты все еще практикуешь магию?

Она могла соврать. Могла притвориться послушной принцессой, которая больше никогда в жизни не прикоснется к книгам о черной магии. Никогда. Вообще.

Однако после свадьбы Леон будет жить в замке и все равно увидит ее кабинет. Увидит ее коллекцию банок с самыми разнообразными артефактами, которые уж точно

не подобает хранить принцессе. Сердца, испачканные в крови. Черная как смоль слизь. Соскобы с зараженных и даже несколько пальцев, позаимствованных у мертвых. Все это используется в ритуалах. Не то чтобы она их проводила, но артефакты все равно хранила на всякий случай. Вдруг от них будет толк и она отыщет то, что никому не удавалось найти до нее?

Придворные советники слишком опасались ведьм и их магии, отвергали любые предложения с ними связаться. Намного проще было заткнуть уши и окружить себя пред-
рассудками.

Джессамина расправила плечи и ответила без колебаний.
— Да, Леон.

Ворота распахнулись. Во двор ввалилась толпа разъя-
ренных крестьян.

О нет.

Они были заражены. Двадцать человек, мужчины и женщины с отеками из-за гнойников глазами. Черная слизь сочилась по их шеям и рукам. Даже издали было видно, что многие нарывы на коже лопнули. Малейший контакт с больными неминуемо привел бы к заражению. На такой поздней стадии люди часто сбивались в группы, бродя по улицам королевства.

За ними бежали стражники с заряженными мушкетами. Впереди они выставили копья, сдерживая больных крестьян.

— Всех убить! — прокричал Леон, повернувшись к сол-
датам.

— Не смей! — приказала она, приподнимая юбку пла-
тья, чтобы броситься к толпе. Страже Инверхольма было запрещено убивать зараженных. Они держали их группами, подальше от здоровых людей, на тот случай, если ле-
карство все-таки найдут. — Это мои подданные, Леон. Ты не имеешь над ними власти.

— Ошибаешься, принцесса. — Леон схватил ее за руку и дернул назад. Синие подтеки, которые он оставил на ее руках пару дней назад, заныли. — А ну иди сюда!

— Пусти!

Джессамина сопротивлялась, но не смогла вырваться. Леон протащил ее обратно к алтарю так грубо, что корона слетела с Джессамины. Драгоценный металл звонко отскочил от пола и покатился по лестнице.

— Принцесса призналась в использовании черной магии! Всем известно, что именно ведьмы наслали на нас чуму! Будущая королева связалась с теми, кто повинен в смерти ваших близких. Во имя благополучия обоих королевств я провозглашаю себя единоличным правителем Инверхольма, без покровительства рода Хармсворт.

Вся знать замерла, глаза королевы наполнились ужасом, а Джессамина наконец осознала, что все гораздо хуже, чем она думала.

Это была уже не свадьба ради спасения королевства. Это была борьба за жизнь. События развивались стремительно. Леон бросил ее на колени перед алтарем. Солдаты Леона подошли ближе, направляя в сторону знати Хармсворт мушкеты и мечи, солнечный свет отразился на металле. Джессамине казалось, что небо разразилось громом, но это билось ее собственное сердце.

Люди Леона впустили зараженных. Отвлекающий маневр, чтобы солдаты могли незаметно окружить и убить всех, кто был ей дорог. Большинство зараженных и стражников уже были мертвы. Их тела в неестественных позах лежали в лужах алой крови, что так ужасающе растекалась по бело-зеленой брусчатке.

Один из солдат, облаченный в черную форму Оранды, вышел вперед. Он ударил рукой в грудь и воскликнул:

— Да здравствует король!

Другие солдаты повторили его слова, пока Леон возвышался над ней, будто единолично завоевал весь Инверхольм. Джессамина знала, что ему никогда бы не хватило ума осуществить столь подлый переворот. За этим стоял кто-то другой. Эта мысль резко пронзила ее сознание, истина раскаленным железом прожгла смятенное сердце.

Кто-то из ее дворян тоже приветствовал нового короля. Их глаза были опущены, они не смели даже взглянуть на Джессамину. К телам на полу присоединились те, кто промолчал.

Джессамина застыла в шоке, наблюдая за тем, как острые лезвия мечей и пули мушкетов разрывали кружева, бархат и шелк. Все окрасилось алой кровью.

Джессамина не слышала криков, не слышала, как они молили о пощаде. В ушах стоял гул от биения сердца. Оно будто кричало ей: *«Вставай. Вставай, Джессамина! В свои последние секунды подданные не должны видеть принцессу на коленях»*.

Из легких будто ушел весь воздух, но она заставила себя встать. Украшенный кружевом подол платья порвался и теперь больше напоминал погребальный саван. Джессамина устремила взгляд на маму.

Ее прекрасная мама — любимая, бесстрашная и бесконечно стойкая — правила Инверхольмом в одиночку после смерти мужа вот уже двадцать два года. Джессамина никогда не знала своего отца, но в этом и не было необходимости. Девушка всегда любила маму. Теперь же ее схватил солдат Леоны. Он был одет в такую же черную форму, на лице растянулась издевательская ухмылка, а в руке блестело лезвие меча.

— Спасибо тебе, принцесса, — сказал Леон.

Он встал позади Джессамины и стиснул ее плечи, прижимая к себе. Она ощутила себя между железными прутьями, застыв, пока солдат поднимал ее мать на ноги.

— Инверхольм станет идеальной жертвой во имя спасения Оранды. Видишь ли, эта кошмарная чума проникает и в другие государства, поэтому я решил ссылать всех зараженных

сюда. Пусть убивают друг друга, мне же меньше хлопот. Теперь это место станет ямой для мертвых и умирающих.

— Это мой дом, — сквозь зубы процедила Джессамина. — Ты не можешь его отнять.

Леон медленно вздохнул и произнес, растягивая слова:

— О, бедная Джессамина. Еще как могу.

Солдат полоснул мечом поперек горла ее матери. Из раны хлынула ярко-красная кровь, пачкая лазурное, как море, платье, но королева не дрогнула. Она сжала челюсти, ее пальцы до побелевших костяшек впились в юбку, но в глазах осталась непоколебимость. Ее мать встретила смерть с достоинством, как и подобает настоящему правителю Инверхольма.

Все запомнили тот миг, когда в бессмысленной резне пала королева — и выжившие стражники, и отрекшиеся дворяне. Их взгляды устремились к Джессамине. Она держалась твердо, отказываясь чувствовать даже каплю страха. Леон все еще удерживал ее возле груди.

— Может, бросить тебя к зараженным? — раздался позади голос Леона. — Пусть тебя прикончит наша общая проблема.

Джессамину пробила дрожь, но она продолжала хранить молчание.

Леон недовольно цыкнул:

— Нет, так не пойдет. Будешь еще бродить где-то и подрывать мое право на трон.

Ощущение холодного металла у горла должно было испугать Джессамину, но она решила посмотреть смерти в лицо. В последний раз она прошла взглядом по каждому предателю, навечно запоминая их лица.

— Прощайте, леди Джессамина, — прошептал ей на ухо Леон.

Одним движением он перерезал тонкую кожу шеи, и в глазах Джессамины помутнело от пронзающей боли. Развернувшись, Леон бросил ее в море.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

